

Юань Бао, коленопреклонённый в дальнем углу, не осмеливался смотреть на лицо Государя. Сейчас он желал одного — упасть перед Хан Сиэнем на колени и умолять того заткнуться.

Мало было того, что именно Хан Сиэнь заварил всю эту кашу — он ещё и осмелился помянуть того, кого Государь хранил в самом потаённом углу сердца. Того, чьё имя нельзя было произносить вслух. Императорского благородного супруга Ван Ина.

На душе у Юань Бао было горько. Он готов был поклясться: никто из находившихся сейчас в этом зале живым отсюда не выйдет. Он сам, как главный управляющий, за долгие годы службы успел перессориться с доброй половиной дворцового гарема — с наложницами, с принцами. Те терпели, потому что он был в фаворе у Государя, и даже когда в душе поносили его на чём свет стоит, в лицо улыбались — боялись, что донесёт. Наложниц при дворе было немало, принцев тоже несколько, но трон один, и главный управляющий Юань Бао — тоже один. По части благосклонности Государя никому с ним было не тягаться.

Он давно решил для себя: вся его жизнь — служба Государю, и до последнего вздоха он останется ему верен, не запятнает себя никакими кознями. Если суждено уйти первым — что ж, и ладно, скажи спасибо. Если Государь уйдёт раньше — будет охранять его усыпальницу. А если новому императору это не понравится — значит, последует за своим господином в мир иной.

Но всё это должно было случиться когда-нибудь потом, в далёком будущем. А после сегодняшних потрясений Юань Бао всерьёз опасался, что «потом» может наступить лет на двадцать раньше срока.

От этой мысли ему было и горько, и обидно.

Этот рот. Этот проклятый рот Хан Сиэня. Успел вернуть и про незаконнорождённого сына Вдовствующей императрицы, и про происхождение Бай Эня, и про сына Благородной супруги Ши — и всё мало. Теперь вот поднял Ван Ин.

Ван Ин был занозой в сердце Государя. Вспомнишь — больно до крови. Не вспоминаешь — всё равно колет.

Юань Бао не зря провёл рядом с Государем столько лет. Он умел читать его состояние — и сейчас видел: лицо потемнело, как залитое тушью. Государь смотрел на Хан Сиэня, потом перевёл взгляд на Вдовствующую императрицу.

Та поджала губы, кожа на лице едва дрогнула — и снова застыла в каменном спокойствии. Она знала: за железной твёрдостью сына скрывалось сердце, которое в иные мгновения можно было назвать мягким — почти слабым. Но она знала и другое: Ван Ин был его запретным местом. Тем, чего не трогают.

Коснулся — пути назад нет.

Из всех присутствующих, пожалуй, сильнее всех слова Хан Сиэня подействовали на Цзи Ло. Ещё когда Хан Сиэнь взбаламутил это болото и выплеснул наружу историю о незаконнорождённом сыне Вдовствующей императрицы, в голове у Цзи Ло уже начала складываться догадка о смерти его отца-супруга. Догадка страшная, почти богохульная — но наиболее точно объяснявшая всё произошедшее тогда. Возраст Бай Эня и день гибели отца-супруга совпадали слишком точно.

Теперь же Хан Сиэнь содрал покрывало — и то, что скрывалось под ним, лишь подтвердило подозрения.

Цзи Ло резко опустил лоб на пол.

— Отец-Государь, — произнёс он, — сын просит расследовать обстоятельства гибели отца-супруга. Дабы Вдовствующая государыня-матушка не пострадала от незаслуженных подозрений.

Слова были учтивыми. Смысл — прозрачным как стекло: он хотел знать, чья рука погасила жизнь Ван Ина.

Государь медленно опустил взгляд на фигуру сына, простёртую на полу. Сердце, которое только что начало ныть от слов Хан Сиэня, сжалось ещё сильнее.

Все эти годы он гнал образ Ван Ина прочь из памяти. Этого ребёнка — то, что Ван Ин оставил ему напоследок, — он не хотел видеть. Почти физически не хотел. Хотелось отослать его подальше, куда-нибудь на край света.

И всё же смотреть, как Цзи Ло тихо гибнет под чужими кознями, он тоже не мог. Это была единственная кровь, которую Ван Ин оставил в этом мире.

Чем сильнее он любил Цзи Ло в детстве, тем острее стало это странное, болезненное неприятие после смерти Ван Ина. Так и жил: делал вид, что Цзи Ло не существует, позволял другим смотреть сквозь него с холодком и насмешкой — и одновременно не позволял никому причинить ему настоящего вреда.

В самой глубине, куда он почти не решался заглядывать, таилась крупца гнева. Ненависти — нет, но горькой обиды — да. На того, кто выбрал уйти сам. Кто бросил его одного в этом дворце.

Они вместе рисовали при луне, вместе музицировали — он на флейте, Ван Ин на цине, и люди говорили, что такого лада не бывает. Он ждал от этого союза детей, ждал долгого счастья. А тот, кто обещал остаться навсегда, в конце концов преподнёс ему самый страшный удар в жизни.

Государь до сих пор помнил тот день.

Он пришёл, как обычно, — с куском драгоценного мозаичного нефрита в руке, припасённого для Цзи Ло. На Ван Ина он порой сердился за то, что тот уделял сыну больше внимания, чем ему самому, — но ради улыбки любимого терпел.

В тот день стояла хорошая погода. Во дворцовых покоях Ван Ина царила тишина — пустая, пугающая. Ни единого слуги. Ни голоса Цзи Ло — хотя в то время Ван Ин не отпускал мальчика ни на шаг.

Позже выяснилось: Ван Ин заранее отослал всех. Рассчитал, когда придёт Государь, и выбрал именно этот час.

Когда Государь вошёл в опочивальню, на постели лежал человек в парадном облачении. Глаза закрыты. Лицо — спокойное, почти нежное, без обычной сдержанной строгости. Только синеватый оттенок кожи заставил сердце провалиться вниз. Нефритовая вещица выскользнула из пальцев и упала на пол. Государь шагнул вперёд, почти не чуя под собой ног, — и взял его за руку.

Рука была ледяной.

Он стоял с трясущимися губами, не в силах вымолвить ни слова. Звать лекаря велел Юань Бао. Но было уже поздно. Лекарь встал на колени и опустил голову — лежавший на постели не дышал.

Государь сидел рядом и смотрел.

Когда вошёл Цзи Ло — маленький, в сопровождении служанки, — сердце у него стало холодным как лёд. Он смотрел на мальчика и думал: зачем? Зачем Ван Ин так поступил с ним?

Умер сам. Ребёнка оставил. И что с того? Разве от этого он станет любить мальчика сильнее?

Но именно из-за Ван Ина — из страха, что тот встретит его на пути через Мост Беспомощности с упрёком в глазах — он всё же не позволял Цзи Ло погибнуть. Страшился оказаться виноватым перед тем, кого уже не было рядом.

Сейчас Хан Сизнь вернул его в тот день.

Государь помнил: долгое время одно только воспоминание о Ван Ине бросало его в дрожь, сердце пускалось вскачь, на лбу выступал холодный пот. Сейчас было немного легче. Но сердцебиение всё равно давало о себе знать.

Хан Сизнь был прав: совпадение по времени между гибелью Ван Ина и рождением ребёнка у Вдовствующей императрицы было слишком точным. Государь не стал ни в чём разбираться — он смотрел на мать в упор и произнёс:

— Я хочу знать одно: зачем?

Вдовствующая императрица не любила Ван Ина никогда. Гэер, осыпанный государевой лаской сверх всякой меры, — это ещё можно было стерпеть. Но то, что он при этом сохранял надменность отпрыска знатного рода, — это выходило за все мыслимые пределы.

Государь сам когда-то подозревал, что смерть Ван Ина связана с матерью. Но ни единой нити, ни малейшего следа, ведущего к ней, так и не нашлось.

Годами он держал тот дворец закрытым. Запрещал входить. Запрещал говорить о нём. Думал — забыл. Сейчас понял: помнит каждый угол, каждую трещину в стене.

Вдовствующая императрица выдержала паузу. Потом посмотрела на сына — и усмехнулась: спокойно, почти с интересом.

— Ты думаешь, я убила его? Скажу тебе прямо: его смерть — не моих рук дело. Всё так, как ты видел. Он сам выбрал умереть.

Холод в глазах Государя обрёл осязаемость.

— Не верю.

— В чём тебе не верить? — Вдовствующая императрица произнесла это бесстрастно. — На моих руках есть кровь. Но не его. Не Ван Ина.

Хан Сиэнь видел: Государь вот-вот взорвётся. Он сделал шаг вперёд.

— Государь. Ваш слуга осмелится заметить: у любого события есть предпосылки. Возможно, Императорский благородный супруг действительно ушёл сам — без чужой руки. Но, быть может, его принудили к этому. Он был человеком внутреннего дворца, при нём рос Третий принц — поводов для опасений было немало. Это вполне объясняет подобный выбор.

Все, кто слышал эти слова — произнесённые ровно, почти без интонации, — невольно обернулись к Хан Сиэню. Лицо Вдовствующей императрицы на миг сделалось непроницаемым.

— Надо же, — произнесла она наконец. — Не ожидала, что весь этот клубок размотает хворый молокосос с острым языком.

Хан Сиэнь почтительно поклонился:

— Вы слишком добры, Государыня-матушка. Государь доверяет Вашему слуге — и слуга лишь старается облегчить его бремя.

Вслух — одно. Про себя — совсем другое.

«Три жизни в этой Великой Чжоу. Три. И конца не видно. Если я не разберусь со всем этим, неужели буду вечно ходить по кругу, таща за собой память обо всём — от начала до конца?»

Другие каждый раз рождались с чистой памятью. Только он один знал и завязку, и развязку. Не спросясь, стал провидцем. Второстепенным персонажем, который помнит всё.

«Хорошо бы отвар матушки Мэн смысл заодно и это умение чужие мысли читать. В следующей жизни — просто человеком. Тихим. Обыкновенным. Чтобы прожить одну жизнь и больше ничего не знать».

Вдовствующая императрица не догадывалась, что Хан Сиэнь мысленно давно ушёл куда-то далеко. Это не мешало ей с трудом сдерживать kloкочущий в груди гнев.

Впрочем, она быстро взяла себя в руки. Выхода уже не было — это она понимала ясно. Происходящее не уладить, не замять. И Вдовствующая императрица посмотрела на сына — своего Государя — и засмеялась. Тихо. Почти презрительно.

Она никогда не любила Ван Ина. Ни капли. А Государь любил — и окружал его таким вниманием, каким не окружал больше никого. Она говорила ему: нельзя так, надо делить милость между всеми, задний двор и передний — одно целое, обиженные наложницы рожают большие беды. Государь не слушал. Видел только Ван Ина. Слышал только Ван Ина. И ради него не раз шёл наперекор матери.

Вдовствующая императрица принимала это близко к сердцу. Она столько вынесла ради сына — и что получила взамен? Сын смотрел только на Ван Ина. На неё, мать, — как на пустое место.

А сам Ван Ин — этот гээр, попавший в клетку дворца, — держался так, словно клетки не замечал. Та же надменность, та же холодная сдержанность, что и в доме отца. И хуже всего — он открыто забирал у Государя власть, которую тот сам охотно отдавал.

Для Вдовствующей императрицы власть была не прихотью — это было единственное, что давало ей ощущение твёрдой почвы под ногами. И она смотрела, как сын, очарованный Ван Ином, шаг за шагом отдалялся от неё, шаг за шагом запирали её в четырёх стенах одного дворца.

Она не могла этого принять.

Поэтому она дала понять клану Хань: хочу забрать Хан Юнь во дворец, наложницей к

Государю, чтобы разбавить это нездоровое единодержавие. Прямо сказала: если желаете — отдавайте. Если нет — оставьте в покое и держитесь за родство с кланом Ван, сколько угодно. Она прекрасно знала, что жена Хан Чжо — родная сестра Ван Ина. Но власть сильнее кровных уз. Хан Чжо тогда был молод и честолюбив — и принял решение быстро. Хан Юнь вошла в дворцовые ворота.

То, что Хан Юнь открыто заняла место соперницы, отравляло Ван Ину каждый день. А его сестра Госпожа Ван превратилась в жертву, принесённую Хан Чжо на алтарь собственного возвышения. Государь не жаловал Хан Юнь — но Вдовствующая императрица ограждала её, и даже самые дерзкие выходки оставались безнаказанными. Это было унижительно и мучительно — именно для того, кто привык не склонять голову ни перед кем. То время было для Вдовствующей императрицы почти счастливым.

Но ничто не даётся просто.

Однажды Бай Цзюнь рисовал для неё в покоях — она отослала прислугу, они позволили себе чуть больше, чем следовало, — и вдруг чей-то испуганный вскрик. Она метнулась к занавеси — и успела уловить лишь краешек чужого одеяния. Лица не разглядела. Зато у порога подобрала нефритовую подвеску.

На ней был иероглиф «Ван».

Вдовствующая императрица понимала: без прямых улик Ван Ин не посмеет открыто обвинить её перед Государём. Но страх утечки оставался. Поэтому она велела собрать — и подделать, где нужно, — свидетельства того, что клан Ван тайно поддерживает Третьего принца в борьбе за наследование.

Впрочем, «подделать» — слово не вполне верное. Ван Ин, возможно, и не знал, но после рождения Цзи Ло его родичи действительно начали осторожно выстраивать связи при дворе. Намерения были — значит, найти подтверждения было делом несложным. Это давало Вдовствующей императрице крепкий рычаг давления. Рот Ван Ина был закрыт.

А потом она обнаружила, что беременна. Избавляться от ребёнка не хотела. Но позволить Ван Ину схватить её за настоящую слабость — беременность от чужого — она тоже не могла. Нужно было действовать быстрее.

Она пустила слух о том, что к Ван Ину тайно заходят мужчины. Одновременно несколько раз организовывала угрозы Цзи Ло — не настоящие, лишь бы поугатать, всё-таки это был её внук, — и использовала это как дополнительный рычаг. Не для того, чтобы сломить, — для того, чтобы Ван Ин видел: я могу. В любой момент.

Вдовствующая императрица хотела наблюдать, как он медленно теряет всё. Как тает доверие Государя. Как гордость сменяется страхом. Как в конце концов — немилость, холодный дворец, небытие. И Цзи Ло — с пятном на репутации.

Она не ждала, что Ван Ин окажется таким решительным.

Вдовствующая императрица посмотрела на сына с лёгкой насмешкой.

— Хан Сизнь, при всей своей несносности, сказал одну верную вещь: у всего бывают предпосылки. Скажи мне, Государь: тогда ты ещё доверял ему безоговорочно?

Ван Ин молчал о происходящем — и не только из-за Вдовствующей императрицы. Был ещё один человек, которого это касалось напрямую.

Государь. Который сам бывал в его покоях чаще всех.

Поэтому случалось: проходя мимо, Государь невзначай слышал обрывки разговоров — как будто по дворцу гуляли слухи о чужом мужчине в покоях Императорского благородного супруга. Один раз — это возмущение, подозрение в наветах. Второй — беспокойство, но ещё без доверия к слухам. А когда таких «случайностей» накопилось достаточно — даже самое крепкое сердце начинает саднить.

Такова природа владык: подозрение входит в плоть и кровь.

Вдовствующая императрица смотрела на то, как менялось лицо сына, и произнесла без всякой жалости:

— Государь, ты сам это знаешь. Ты разочаровал его. Именно поэтому он выбрал уйти. Такие люди не должны были попадать в эти стены. Ты подрезал ему крылья, отрезал все пути назад — и при этом не мог дать ему одного целого сердца. Он умер — и ты в этом тоже виновен.

Ван Ин, быть может, действительно любил Государя. Но этот дворец был клеткой — со всех сторон прутья. Из всего, чем он владел, — только государева любовь. А разве бывает, чтобы рядом с владыкой стоял кто-то один? Даже ради любви — невозможно. Даже ради равновесия переднего и заднего двора — нельзя.

После истории с Хан Юнь что-то в Ван Ине переломилось окончательно. Он был гэером — но воспитан был как отпрыск знатного рода, с детства вскормленный книгами и военными трактатами. Он умел смотреть далеко и принимать жёсткие решения. Дворцовые интриги были ему чужды — слишком мелко, слишком грязно. И всё же он влюбился, вошёл в ворота, проиграл в той игре, которую презирал.

Встретить он другого человека, сложишься всё иначе — возможно, прожил бы тихую, достойную жизнь.

Но в этой жизни судьбы их с Государём переплелись намертво.

Когда Ван Ин узнал о тайне Вдовствующей императрицы, было уже слишком поздно что-то предпринять — собственный его клан попал в ловушку, и рычаги оказались в чужих руках. Он знал: тот, кто мог бы защитить его, слишком мягок. Слишком нерешителен. Даже если Государь и покарает Вдовствующую императрицу — каждый раз после этого, глядя на Ван Ина, он будет чувствовать что-то тягостное. Год за годом это тягостное убьёт остатки того, что между ними было.

Ван Ин понял: в этом огромном дворце милость владыки — самая ненадёжная вещь на свете.

Государь совершил ещё один поступок, который уничтожил последние остатки доверия. Однажды, поддавшись слухам, он нагрязнул в покои Ван Ина без предупреждения.

Вдовствующая императрица к тому времени уже припасла для этого случая человека — переодетого слугой, готового при первом же появлении Государя броситься бежать и дать себя поймать. Всё было выстроено заранее.

Но Ван Ин не зря был воспитан в доме, где умели держать голову. Он ждал именно этого. Проверял покои тщательно. Нашёл подставного раньше, чем тот мог навредить, — и убрал его прежде, чем Государь переступил порог.

Государь вошёл с радостным лицом. Ван Ин смотрел на него — и чувствовал холодный страх, медленно оседающий на дно души.

Он был гэером, но вырос в семье, где его берегли и уважали. Он читал классику, он понимал законы войны. В нём было и смелости, и воли достаточно — но дворцовые ядовитые игры требовали другого. А этого другого ему всю жизнь не доставало.

Он понимал: рано или поздно Вдовствующая императрица найдёт брешь. И тогда погибнет не только он — погибнет Цзи Ло. Маленький. Ещё ничего не понимающий.

Ван Ин был матерью.

И в лучшие свои годы, в самом расцвете, он нанёс Государю самый глубокий удар из всех возможных.

Он знал своего Государя. Знал: за внешней властью прячется человек, чьё сердце мягче, чем кажется. Этот человек — как бы ни противился — не позволит бросить ребёнка на произвол судьбы. Не позволит, потому что это его кровь. Потому что за это его спросят там, у Моста Беспомощности.

Ван Ин рассчитал всё верно.